
ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я :

Оскаръ Альвскій.

П о в ѣ с т ь .

Свѣтило ночное лучи разливаетъ
И въ Лорѣ прозрачной, играя, дрожишь ;
Высокаго Альвы зубцы освѣщаешь . . .
Оружіе въ замкѣ безлюдномъ молчишь :

Ахъ! сколько разъ мѣсяцъ полночный лучами
Игралъ на пернахъ , стальныхъ шишакахъ ,
Какъ воины Альвы шли биться съ врагами
Въ сіяющихъ лапахъ , съ мечами въ рукахъ !

Съ ушесовъ кремнистыхъ , кропимыхъ водою,
Онъ видѣлъ , печальнымъ , дрожищимъ лучемъ
Какъ смерть межъ рядами сверкала косою,
И храбрые пѣли въ падеши своемъ :

Ихъ взоры , копорымъ судьба воспретила
Дождаться восхода денницы злобой ,
Блуждая , искали ночнаго свѣтила ,
Навѣкъ закрываясь могильною пьмой .

Ахъ! прежде сей мѣсяць, другъ ночи печальный,
 Являясь звѣздой любви для нихъ,
 Лишь радость... шеперь онъ свѣчей погребальной
 Трепещеть на сводѣ небесъ голубыхъ.

Нѣшь рыцарей Альвы. Видь башень зубчатыхъ
 Подернулся пускомъ прошекшихъ вѣковъ;
 Но сами герои — еленей рогатыхъ
 Въ лѣсахъ не гоняють, не губяшь враговъ.

Кто были владѣтели? . . . Зѣмокъ высокій!
 Давно ли одѣлся ты мохомъ сѣдымъ?
 Подъ сводами шихо, — лишь бурь жестокой
 Опвѣтшвуешь ехо въ нихъ свисномъ глухимъ.

Тогда, какъ бываетъ гопово проснувшись
 Румяное упро — лишь вѣпръ зашумишь —
 Ужасные звуки въ стѣнахъ раздаются:
 Колеблются своды — весь зѣмокъ дрожишь!

Свирѣпая буря, поднявшись въ пустынь,
 Гремить, разъяряся, Оскара щипомъ;
 Но рыцаря знамя не вѣшь въ долинь
 И шлемъ не блискаетъ съ высокимъ перомъ.

У Анга родился Оскаръ, сынъ безцѣнный,
 Любви супружеской первый залогъ:
 Съ толпами вассаловъ отецъ восхищенный
 Спѣшилъ раздѣлить свой душевный воспоргъ.

Ловцы поразили еленей стрѣлами;
 Воинствемный рогъ на пиру зазвучилъ:

Звукъ громкаго рога, лешя межъ горами,
Ихъ жишелей храбрыхъ сердца восхитилъ.

Вассалы, геройскаго полные жара,
Воскликнули радостно: «Время придетъ —
Звукъ рога предпечею будешь Оскара,
Когда онъ дружину на брань поведешь!»

Годъ минуль, — у Анга другой сынъ родился —
И Альвы владѣтель опять пировалъ:
Наполненный кубокъ кругомъ разносился,
И замѣкъ отъ радостныхъ кликовъ дрожалъ.

Сыны, обученные Ангомъ, спрѣяли
Безъ промаха въ ланей съ лѣсистыхъ холмовъ;
Въ бѣгу же Оскаръ и Аланъ обгоняли
Ошважныхъ, спремительно скачущихъ псовъ.

Младенчества годы прошли, пролетѣли —
Ужь братья спояли въ воинскихъ рядахъ;
Испытывашъ крѣпость булаша умѣли
Они на кольчугахъ, желѣзныхъ щитахъ.

Власами Оскара зефиры играли;
Но свѣшлыя кудри Алана, кольцомъ
Вѣся, младое чело отѣняли —
И дума печашъ положила на немъ.

Могъ каждый удобно Оскара во взорахъ
Движенія чистаго сердца чашашъ;
Аланъ же былъ скрышенъ въ своихъ разговорахъ,
И лаской слова онъ умѣлъ подслащашъ.

Порывы геройскаго, сильнаго жара
 Они прехлаждали въ Саксонской крови.
 Не вдало робости сердце Оскара,
 Знакомое съ шепетомъ сладкимъ любви.

И младшій сынъ Анга былъ рыцарь прекрасный,
 Но чувствъ благородства въ душѣ не имѣлъ;
 По нраву, по чувствамъ свирѣпый, несчастный,
 Онъ злобой и мщеньемъ ужаснымъ кипѣлъ.

Кенеффа наследница, дочь Гленальвона,
 Извѣстная милой, волшебной красой,
 Пришла молодая изъ Сошаннона —
 И жителей Альвы плѣнила собой.

Оскаръ объяснился: „Будь, дѣва, моею!“
 — Согласна. — Ангъ слишкомъ доволенъ шѣмъ былъ:
 Союзъ съ Гленальвоновой милою дочерью
 Тщеславію спарца - владѣтеля льстилъ.

Рога загремѣли, рога зазвучали;
 Съ рогами слилися пѣвцовъ голоса,
 И звуку и грому роговъ отвѣчали
 Высокія горы, густыя лѣса.

И воины — въ шлемахъ блестящихъ, высокихъ,
 Украшенныхъ длиннымъ, багрянымъ перомъ,
 Въ кольчугахъ и мантіяхъ цвѣтныхъ, широкихъ —
 Владѣтеля Альвы обшали кругомъ.

Ихъ созвали въ замокъ — не въ поле сра-
жались ;

Не бранные звуки здѣсь рогъ издаетъ :
Они всѣ сошлись пить , ѣсть , забавляясь ;
Здѣсь брачную пѣсню хоръ громко поетъ .

Но гдѣ же Оскаръ? гдѣ женихъ? Не пора ли?
Онъ медлить не долженъ часа одного !
И гостыи и гостии — всѣ видѣшь желали
Счастливица Оскара и брата его .

Послѣдній явился — и съѣлъ съ обрученной .
„Гдѣ сынъ мой? Почто мой Оскаръ запоздалъ?“
— Со мною онъ не былъ — съ душою смущенной,
Такъ старому Ангу Аланъ отвѣчалъ .

— Бышь можешь , сего дня въ лѣсу за звѣрями
Гоняясь , дорогу Оскаръ пошерялъ ,
Иль вѣтеръ , бушуя морскими волнами ,
Челнокъ его легкій въ бѣгу задержалъ . —

„Нѣтъ , нѣтъ ! ни охоша , ни моря волненье
Не могушь сегодня его удѣржать !
Гдѣжь сынъ мой?“ Ангъ въ сильномъ воскликнулъ
движеньѣ :

„Почто не спремись онъ Мору обнять !“

„О воины братья ! въ окрестностяхъ Альвы
Ищите Оскара . . . Прошу , какъ друзей ,
Объгащъ съ Аланомъ всѣ горы , дубравы :
Найдите Оскара , найдите скорѣй !“

Разносятся имя Оскара въ долинахъ,
 Разносятся имя Оскара въ горахъ,
 Въ тѣнистыхъ дубравахъ и мрачныхъ пущинахъ —
 Напрасно! Ужь ночь на холодныхъ поляхъ.

Но поймавъ смѣлыхъ и ночь не мѣшала;
 Оскара по прежнему гуль выкликалъ —
 Оскаръ не являлся! Заря запылала —
 Оскара никто не видалъ, не встрѣчалъ!

Три дня и три ночи Ангъ старый шурдился
 Въ окрестностяхъ Альвы Оскара искалъ —
 Но тщетно! Несчастный съ надеждой просидѣлъ
 И началъ въ ошчаянны волосы рвать!

«Оскаръ, сынъ мой!.. Боже! услыши моленье;
 Пошли мнѣ Оскара, мнѣ сына отдай!
 Но если убить онъ — на страшное мщенье
 Злодѣя убійцу его мнѣ предай!

«Быть можешь, Оскаръ мой лишенъ погре-
 бенья
 И шрупъ его брошенъ на пищу звѣрямъ;
 Но духъ его, Боже! пусть въ царствѣ неслѣпнѣя
 Ликуешь — и съ нимъ соединюся я щамъ!

«Быть можешь, не умерь Оскаръ мой любез-
 ный —
 Преспанемъ ошчаянню сердца внимать. . .
 Умоклнемъ! . . . Проспи, о Создатель Небесный,
 Что я на Тебя покусился роцшашъ!

«Но живъ ли Оскаръ? . . Нѣтъ! надеждъ не
вѣрю;

Надежда дней вѣпхихъ моихъ умерла!
Ахъ! чѣмъ заслужилъ я такую потерю?
Для дряхлаго Анга она тяжела!»

Такъ съшоваль бѣдный, злосчастный роди-
тель —

И радовашь спарца ничто не могло. . .
Но время есть лучшій ранъ сердца цѣлитель:
Оно проясняетъ несчастныхъ чело.

Владѣтелю Альвы надежда шепшала,
Что милаго сына онъ скоро найдетъ;
Но вѣришь надеждъ душа перестала:
Прошелъ безъ Оскара мучительный годъ.

Дни шли, проходили; еще совершило
Блещящее солнце свой кругъ годовой,
И время грусть спарца-ощца исцѣлило:
Къ нему возвратился душевный покой.

На спароспи Ангу остался подпорой
Аланъ; въ немъ опраду отецъ находилъ.
Сей Рыцарь, плѣненный прелестною Морой, —
Прелестную Мору собою плѣнилъ.

«Кшо краше Алана?» она, размышляя,
Твердила: «уже нѣтъ Оскара въ живыхъ;
Но если и живъ онъ, то, вѣрно, другая
Цѣлѣнника держишь въ оковахъ своихъ.»

Ангъ сыну и Моръ : «Вы годъ подождите ;
 Когда я въ надеждъ еще обманусь —
 Не встрѣчу Оскара — тогда заключите ,
 Любезныя дѣти , желанный союзъ.»

Прошелъ годъ унылый — и день сѣдиненья
 Алану съ любезной назначилъ отецъ —
 И вспыхнулъ въ ихъ взорахъ огнь восхищенья ;
 Желанье исполнилось страстныхъ сердецъ.

Рога загремѣли , рога зазвучали ;
 Съ рогами слился пѣвцовъ голоса ,
 И звукамъ и грому роговъ ошвѣчали
 Высокія горы , густыя лѣса.

И въ замкѣ вассалы въ блестящей одеждѣ
 Толпились — и каждый весельемъ дышалъ ;
 Въ шуму пированья забыли , какъ прежде
 Нечаянный случай веселье прервалъ.

Но кто сей пришлецъ ? кто ? — въ замкѣ не
 знали.

На всѣхъ неизвѣстный ужасно смотрѣлъ ;
 И всѣ на угрюмага взоры вперяли . . .
 Огонь отъ прихода его цошемнѣлъ !

Онъ черной , широкой спрашилъ епанчою , —
 Кровавыя перья на шлемъ пряслись ;
 Земля чушь касался онъ легкой стопою ,
 И вздохи изъ груди , какъ буря , неслись !

Приблизилась полночь — и чаша злая
 За здравье Алана ходила кругомъ,
 И всѣ восклицали, ее осушая:
 «Пусть будешь всегда онъ со счастьемъ знакомъ!»

Пришлецъ на гостей взвелъ спрашныя взоры —
 И каждый невольно предъ нимъ замолчалъ:
 И вздрогнуло сердце красавицы Моры,
 И старецъ чего-то въ смущеніи ждалъ.

«Здѣсь счастья Алану всѣ гости желали;
 Такъ чудный, свирѣпый пришлецъ говорилъ,
 „Здѣсь чашу задравную всѣ осушали:
 Я также за здравье, какъ прочіе, пилъ.»

«Всѣхъ, старецъ, ты созвалъ — и всѣ въ
 восхищенны
 Отъ брачнаго пира, отъ пѣнистыхъ винъ:
 Почему же, скажи мнѣ, оставленъ въ забвеніи
 Оскаръ твой? Уже ли тебѣ онъ не сынъ?»

— Ахъ! горестъ все сердце мое истерзала! —
 Такъ старецъ, несчастный отецъ, отвѣчалъ: —
 Какое мученье душа испытала
 Съ тѣхъ поръ, какъ любезный Оскаръ мой пропалъ!

— Нѣтъ вѣспи! Ужъ солнце въ простран-
 ствѣ воздушномъ
 Свершило съ тѣхъ поръ при пуши годовыхъ!
 Теперь мнѣ ограда въ Аланѣ послушномъ;
 Въ Аланѣ подпора дней вѣшнихъ моихъ.

«Но, старецъ! кто знаешь, какими судьбами
Оскаръ потерялся? . . . Бышь можешь, онъ живъ!»
Вскричалъ незнакомецъ, сверкая глазами,
И голосъ пришельца — былъ бури порывъ!

«Кто знаешь? бышь можешь, Оскаръ бы явился,
Когдабъ всѣ усердно желали шого:
Бышь можешь, сей Рыцарь въ горахъ заблудился —
Но жизнь не угасла во груди его».

«Внимайте! Пустъ мигомъ напишокъ чудесный
Наполнишь огромную чашу сію:
Ее мы осушимъ. . . Да будешь извѣстно:
Здоровье Оскара заочно я пью!» —

Ангъ воскликнулъ: — Сюда драгоценныя вина! —
И чашу наполнилъ до самыхъ краевъ —
Внимайте! Я пью за любезнаго сына:
Коль живъ онъ — пустъ будешь счастливъ и здо-
ровъ! —

«Но, старецъ! усердія кликъ раздается —
А чаша въ рукахъ у Адана полна!
Пей, пей, братель Оскара! . . . Но чаша трясется!
Пей, пей! не расплескивай влагу вина!»

И Рыцарь ужасно въ лицѣ измѣнился —
Блѣднѣлъ, шрепещалъ онъ, не смѣядохнуть,
И крупный, холодный потъ градомъ капился
Съ лица на высокую, жаркую грудь!

Три раза онъ чаши касался ушами, —
Три раза невольно ее осматривалъ;

Три раза съ пришельцемъ встрѣчаясь глазами, —
Во взорахъ свирѣпыхъ угрозу чиналь.

„Уже ли съ симъ чувствомъ, Адапъ, воспомина-
нанье

О братѣ любезнѣйшемъ должно шворить?
Коль ето знакъ дружбы и сердца желанье, —
То съ ними какъ ужась, скажи, различить?“

Симъ ѣдкимъ упрекомъ Адапъ оскорбленный,
Хошѣль пиць невольнo — и шакъ возгласиль:
«Ахъ! еслибъ явился Оскаръ незабвенный!
Ахъ! еслибъ . . .» И чашу изъ рукъ урониль!

И вмигъ привидѣнье ошколь ни взялося; —
„Почто, мой убійца! меня призываь?“
Убійца, убійца! въ стѣнахъ раздалося —
И бурный надъ замкомъ огонь заблискаль!

Померкли свѣщильники въ залѣ огромной,
И шрепещь и холодъ коснулись сердцеъ —
О страхъ! привидѣнье въ одеждѣ зеленой
Спояло . . . исчезъ неизвѣстный пришлецъ!

Спояло оно: — мечь булашный, широкой
Висѣль при бедрѣ и лучами блискаль;
Текла на груди кровь изъ раны глубокой;
Печадныя очи туманъ покрываль.

Три раза оно улыбнолось, вздохнуло —
И долго на шарцѣ покоило взоръ;

Три раза оно на Алана взглянуло —
Во взглядахъ былъ видѣнь жестокой укорь.

Ударила буря — весь замокъ въ смященъ!
Врата отворились въ мгновение одно!
Вдругъ громъ разразился . . . и гдѣ привидѣнье?
На крыліяхъ бури умчалось оно!

Всѣ гости оставили замокъ ужасный. . . .
Но кто сіи двое, какъ шрупы, лежатъ?
Усердьемъ служителей спарець несчастный
Избавлень отъ смерти и началъ дышать.

Но щепно Алана избавиць хотѣли —
Надъ нимъ распростерся могильный туманъ;
Сомкнулися вѣжды, уста охладѣли —
Уже не возстанешь убійца Аланъ!

Среди Гленшанарской печальной долины
Надъ прахомъ Оскара сребрилась луна;
Его волосами игралъ въпрѣь пустынный;
Въ груди охладѣлой спрѣла вонзена.

Не дѣзя изъяснишь незнакомца явленье:
Ошколѣ и кто его въ замокъ послалъ? . . .
Но каждый въ минушу узналъ привидѣнье —
Ахъ! ешо являлся убишый Оскаръ.

И гордосць и зависть рукою водили,
Когда злой Аланъ шепиву напягалъ —
И адскіе духи спрѣлу окрылили,
Когда онъ ее въ грудь Оскара послалъ.

Стрѣла понеслася, стрѣла засвиствѣла —
 И кровью долину Оскаръ обагриль . . .
 Глава опустилася и кровь охладѣла:
 Мракъ смертный навѣки его окружилъ!

Аланъ обольстился любезностью Моры —
 И ревность въ груди его ядь разлила . . .
 О горе! нерѣдко прелестные взоры
 Бывающъ источникомъ спрашнаго зла!

Но чья здѣсь гробница, подь кровомъ шумана,
 Среди дикой долины печально стоишь?
 То брачное ложе младаго Алана;
 Въ ней злобный убійца навѣки сокрытъ.

Далеко опсюда, близъ шихой дубравы; —
 Тамъ памятникъ видѣнь (унымый предметъ!)
 Надъ прахомъ усопшихъ владѣтелей Альвы;
 Герба ихъ надъ прахомъ Алаиновымъ нѣтъ.

Какой Менесрель, ахъ! какой сладкогласный
 Дѣянъ Алана пѣвецъ воспоешь?
 Звукъ арфы естъ памятникъ самый прекрасный:
 Но кто же, кто славить убійцу дерзнетъ?

Нѣтъ! сладостныхъ звуковъ убійца не спо-
 ишь —

Пусть сияція струны на арфѣ молчатъ;
 Но если кто въ честь ему арфу наспроитъ —
 Съ нее погребальные звуки слетяшъ.

Надъ хладной могилой Алана молчанье:
 Не слышно ни лурь, ни гласа пѣвца;

Лишь эхо разноситъ глухое стenanъe
Убитаго брата , проклятые отца !

П. Кудряшевъ.

Оренбургъ.

*Сътованіе Киргизъ - Кайсацкаго
пльнника.*

Ахъ ! что со мной ?
Въ очахъ слеза !
Здѣсь край чужой ,
Души гроза ! . .
Твоя волна ,
Рѣка Уиль (*),
Мутна , черна ,
Черна , какъ иль !

*

Сей желтый лугъ ,
Сей видъ степей ,
Сей грозный звукъ ,
Сей звонъ цѣпей —
Мой духъ мяшупъ ,
Меня помять ,
Мнѣ въ душу льютъ
Печали ядъ !

*

(*) Сія рѣка протекаетъ въ Киргизъ - Кайсацкой степи.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 4.

Ф Е В Р А Л Ъ 1828.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

*О сходствѣ между Русскими и Восто-
чными обыкновеніями, и о нага-
ль ихъ въ Россіи.*

Каждой народъ, на какой бы степени просвѣщенія ни находился, удерживаетъ грубые обычаи, кошорые сохранились ось давнихъ временъ и сущесшвують, по большей части, между прослоудинами. Ешо происходишь ось шого, что просвѣщеніе не бываетъ равнымъ удѣломъ всѣхъ сословій: имъ пользуешя особенно шолько высшее, а прочія, хошя сами учасшвують въ выгодахъ онаго, по ограниченности способовъ и по другимъ обстоятельствомъ мало содѣйсшвують успѣхамъ образованности, и придерживаюшя старинныхъ обычаевъ иногда шакъ сильно, что не шолько изъ любви къ своимъ предкамъ, сколько по

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	Стран.
Оскаръ Альвскій. - - - - -	265
Съшованіе Киргизъ - Кайсацкаго плѣн- ника. - - - - -	278

П Р О З А.

Бабушка. Повѣсть. Г. Клаурена.	25, 121, 183 и 280
Рѣчь о вліяніи высшихъ учебныхъ заведе- ній на усовершенствованіе Наукъ и Искусствъ, на распространеніе про- свѣщенія, сообразно съ видами и бла- гими намѣреніями Правительсва.	- 52

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ И ЛИТ- ТЕРАТУРА.

Переводъ съ Граматы, писанной въ 1654 году къ Никону Пашріарху Паисіемъ, Вселенскимъ Пашріархомъ, Архіепі- скопомъ Конспаншинопольскимъ.	- - 3
О Варягахъ вообще и въ особенності о Варягахъ Руси.	- - - 8
Краткое историческое обозрѣніе Тму- пороканскаго Княжества.	- - 89